

По великим снегам, страну мою обуявшим,
По тайге белопенной, мехами до пят наклонной,
По серебряным склонам с их яхонтами и яшмой
Под звездой путеводной, оранжевой и зелёной...

Твердь небесная, слякоть ли земляная,
Вскользь по рельсам, вплавь — на плече парома...
Но пока ты со мною — я точно знаю:
Где бы я ни скиталась, я всюду дома.

Не затем ли нужны монахи, певцы, скитальцы,
Чтобы звёзды пели, а песни во тьме сияли?
Я ещё приеду сжать твои пальцы —
И колени твои обнять,
И выпить с тобой печали.

Ведь монахам, певцам, скитальцам — что в жизни наго?
Чтоб любовь путеводная им далеко светила.
И тогда любая стезя — отрада.
И любая песня — оплот и сила.

И тогда по снегам великим, по тьмам кромешным,
По нехоженным дебрям — к добру и лагу
Всё равно провьёмся — на то нам, грешным,
И урок отмерен — на вечность кряду!

Я говорю себе: забудь!
Я говорю себе: прости!
Я говорю: свободен путь,
Свободны разные пути!
В огне плясать, гореть во льду,
Дождём долбить земную твердь,

*В раю терзаться и в аду,
Влюбляться в собственную смерть:
В её сверлящие зрачки,
В бунтующую немоту,
В подвалы, свалки, чердаки,
В свет, незаметный на свету...
Забывать — забуду. Ерунда.
Не привыкать же — забывать!
Но нет дороги — не туда...
Не обогнуть... не миновать...*

В. А.

*Капитан секретного фрегата,
Пролагаю неуклонный курс...
Соль столетий — чем душа богата —
Мой неисчерпаемый ресурс.*

*Где пристать крылатому не мелко,
На зюйд-вест или норд-ост игти?
Укажи, настойчивая стрелка,
Направленье верного пути,*

*Чтобы избежать соблазна кривдой,
Чтоб, стремясь на еле слышный зов,
Просквозил меж Сциллой и Харибдой
Шёлк моих багряных парусов,*

*И когда, исчадьё брызг и пены,
Встанет смертный морок наго мной,
Чтобы не сподобились сирены
Оплести сознание пеленой*

*Умопомрачительного яда...
Мачта из архангельской сосны —
Это всё, что для опоры наго
Вестникам надежды и весны!*

*Не оставляй меня одну
На авансцене провиденья...
Пускай, как щука глубину,
Сама ищу уединенья...
Сама ловлю сигналы сфер,
Сама сражаюсь в Интернете,
Сама влачусь, как Агасфер,
По окровавленной планете,
Сама колдую и сужу,
Сама врачую и взыскую...
За невозвратную между
Не отпускай меня такую!
И пусть я даже всё могу —
Войду в горящую квартиру,
Поймаю лошадь на скаку,
Не сдамся общему кумиру,
Сад разведу, построю дом...
Найду тропу среди трясины...
Но лишь в присутствии твоём
Меня не покидают силы;
И песнь пою, и воз тяну
Твоей ценой неколебимой...
Не оставляй меня одну
Хотя бы мысленно, любимый...*

АНДРЕЮ ЛЕОНТЬЕВУ

*Особенность не знать себе цены
Респекта удостоится едва ли:
Не сведущему метки не видны
На шаткой социальной вертикали.*

*Не сведущий — не ведом, не ведом
И в зеркалах общественных не ясен.
Его не позовут в приличный дом,
Он — чужд, непредсказуем и опасен...*

*Но есть такое зеркало: столпов
Отечества, плебеев и поэтов
Соизмеряет с вечностью любовь!
Она не помнит кастовых запретов.*

*Её не возмутят ни стыд, ни страх,
Ни алчность, ни горение борьбою...
Ты в чьих-то отражаешься глазах —
И только в них — всегда — самим собою!*

*И как себя смиреньем ни дави,
Как ни кляни все лестницы и двери —
Ликующее зеркало любви
Воздаст когда-то каждому по вере!*

*В тщете людской, среди пагубных зыбей
Житейского волнуемого моря —
Хотя б в припадке гнева или горя —
Его ты ненароком не разбей!*

*Как без него ты различишь во мгле
Базарных цен и стоимости мнимой,
Единственный, никем не заменимый,
Что значишь ты для Бога на земле?*

РОДНАЯ РЕЧЬ

*Чертёж невозмутимой правоты —
Двуглавый византиец — здесь и ныне.
Кость мамонта — точёные черты
В тебе сосредоточенной латыни.*

*Шаг эллинский. Чекан монгольских сбруй.
Норг-вест, по скифской вьющийся основе,
Кипение глубинных гревних струй —
В любом твоём созвучии и слове.*

*Дышать тобою — или прахом лечь,
Солончаковой горечью бесплодной.*

*Понять тебя — из мрака свет извлечь,
Судьбою становящаяся речь
Несокрушимой памяти народной.*

1996

ПАМЯТИ В. М. САВВИНЫХ

*Облака расступаются — тихо течёт синева
По ноябрьскому городу в необозримую слякоть.
И сжимается сердце, и глухо болит голова.
И так хочется плакать — и не получается плакать.
Словно небо разомкнуто жерлом к усталой земле.
И тяжёлые глани над общей судьбою простёрты.
Все мы — дети детей — на бегущем во мрак корабле...
И оттуда, из мрака, тревожные ловим аккорды.
Что нас ждёт за пределом? Над домом колеблется свет...
И в скудельном сосуде волнуется жизнь молодая.
Старики улетают. Как птицы. Туда, где нас нет,
И куда неизбежно за ними отправимся вслед.
— Не грусти и не бойся,— мне папа сказал, улетаая...*

НА БОЛОТЕ

С. Е. К.

*Снова слякоть на улице Серповщиков.
Снова кодекс игры в головах игроков
Не находит бывшего оплота...
До рассвета остались лишь факел да друг,
Но к утру, если верить всему, что вокруг,
Квирина превратится в болото.*

*Ах, квиристы, квиристы... какой ротозей
Прозевал очертания Рима?!
Над холмами, как туча, ползёт Колизей
Угрожающе необозримо...
Продырявлено сверху небесное дно,
В Тибр всю ночь по клоакам стекает вино —*

Боги спешно меняют квартиры.
Олимпийская жесть поворотне скучна —
Подноготная истина ей не нужна,
И бессовестно врут гуумвиры.
Рим устал.
Кто кумиров его не свергал?
Только шут да школяр неприлежный...
И уже наострил предприимчивый галл
И оружие, и дух свой мятежный;
Ходит варвар у ближних его рубежей,
Закаляясь в пожарах его мятежей —
На руинах его матеря,
Верный враг, терпеливо взлелеянный плод,
Вожделенное лежбище райских болот —
Восходящая Гиперборея...

Только горе оставит свой след
На девическом лбу беспечальном.
Озаряется каждый предмет
Только в муках огнём изначальным.
Нас нещадно калили в печи,
Где вплавляется главное знанье...
Но твоё растворенье в ночи
Всё равно для тебя — наказанье?
Сколь же выше отпущенных сил
Небеса расколовшая тяга?
До того, как ты пытки вкусил,
Разве мною ты не был, бродяга?
Или, множась в земных зеркалах,
Лишь в тебе я себя не встречала?
Или страшная память начала
Не гудит в позвоночных стволах?
Да не лгут ли, что мёртвой водой
Утоляется жажда покоя?
Слышишь, как голосит козодой
За Смородиной, чёрной рекою?..